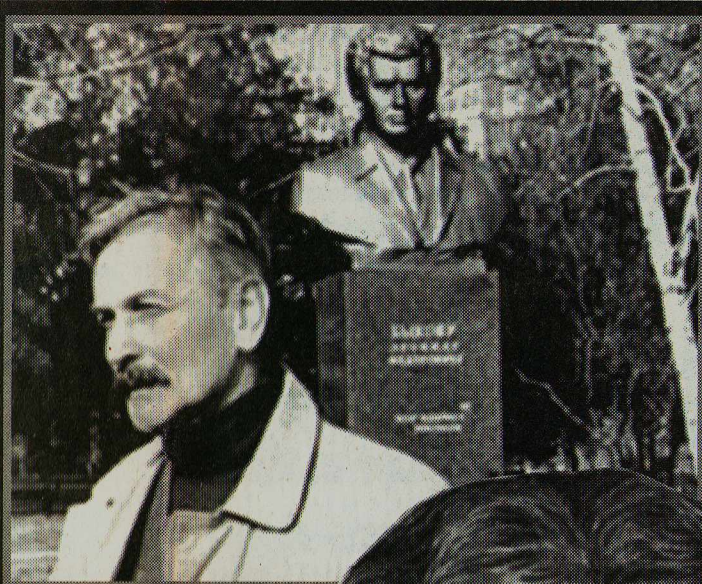

ПЕРСОНА

В советские времена его мужественный взгляд, нарочито славянский тип лица и соломенную шевелюру режиссеры использовали на все сто. Матрос Огнев из "Коммиссаров", капитан Скворцов из "В бой идут одни старики", красноармеец Окунев из "Как закалялась сталь" — роли Владимиру Талашко доставались почти сплошь героические. Другие времена — новые герои. О некогда популярном украинском актере в России давно уже ничего не слышно. Немудрено — ведь Талашко теперь для нас иностранец.

БОЕВОЙ

У памятника Леониду Быкову в Краматорске.

"С Быковым виделся за день до его смерти"

— В свое время я был просто перезагружен работой в кино. Это и период Леонида Федоровича Быкова, и те же "Как закалялась сталь", "Рожденная революцией", "Капитан Немо", "Если враг не сдается" и так далее. Пять-шесть лет у меня не было возможности просто передохнуть, перевести дыхание. И это во времена, когда актеров отплатили в профотпуск чуть ли не насильно. Как получалось: тот режиссер не пригласил, этот — и актер на время оставался без работы. Называлось это страшно: "творческий простой", при этом актеру платили половину зарплаты. Но "простой" мог продолжаться месяц, а мог затянуться и на 10—15 лет. Поэтому всех спешили сразу выгнать в отпуск, чтобы не платить "простойные". Однажды такое случилось и со мной. И в этот период я принял решение: уехал на родину в Макеевку и полгода своего профотпуска "отгулял" в драмтеатре. Молодое поколение актеров недоумевало: как можно уйти от популярности, известности, кино — в провинциальный театр?!

— А с чем вы связаны ваш "творческий простой"? Приглашать перестали или просто физический ресурс исчерпался?

— Нет, предложения поступали. Но от большинства фильмов я отказывался. Мне не хотелось использовать эту волну, шлейф этой славы. Не хотелось повторяться. Причем чаще всего предлагали сниматься в фильмах далеко не самого лучшего качества. Мне всегда было неудобно отказываться от предложений, но что делать — надо было находить в себе мужество и говорить: "Не буду".

— Ни разу потом локти не кусали?

— Нет, из того, что мне предлагали, ничего путного и не получилось. Бывали другие случаи. Допустим, когда я и Костюлевский пробовались на одну роль в фильме "Тегеран-43". Вот тут я могу сказать: "Да, хорошая роль ушла от меня".

— Если бы в вашей жизни случился "Тегеран-43", переехали бы в Москву?

— Нет, Москва — не мой город. Уж слишком она шумная. Хотя временами езжу туда с большим удовольствием. Вот сейчас как раз такой период: в Москве у меня появились новые друзья. Вообще, города, наверное, украшают не столько музеи, дворцы и мосты, как именно люди. Пять лет назад в загранпоездке я познакомился с семьей москвичей: муж, жена, двое детей. И теперь ваша столица вновь стала для меня желанной. Такой же, как и прежде, при жизни другого моего большого друга — Славы Дворжецкого, с которым мы сошлись в "Капитане Немо". Когда бываю в Москве, сразу же еду на кладбище к Славе...

— Партнером по "Старикам" можете назвать своими друзьями?

— Конечно. Правда, мы не так часто видимся. В силу разных обстоятельств. Того же Рустама Сагдуллаева иногда вижу в Москве. Хуже с Ваной Янтельдизе: он сейчас в кино почти не задействован. С Сергеем Подгорным, который здесь под Киевом живет, понятное дело, можем чуть ли не каждый день встречаться. Кто там еще... Олим Федоринский, Леня Марченко, Вилла Пашенко — тоже киевляне. Оля Матешко уехала за границу, Володя Волков — на пенсию. Сейчас, конечно, меньше общаемся — раз, как кажут, жизнь разбросала. Кто-то занялся частным извозом, кто-то общественной работой, а кто-то в ужасе вообще не понимает: как выжить и что делать.

— А кого-то уже нет...

— Смерть близкого человека всегда воспринимается тяжело. Смерть Леонида Федоровича Быкова... Для его родных она действительно стала большой

трагедией. Мы, его коллеги, наверное, восприняли это несколько иначе, но... Ровно за день до смерти мы с ним общались. Говорили о том, что давно не собирались, что пора бы устроить дружеские посиделки. Время тогда у него было золотое... Хотя сейчас всякое говорят. Но мне казалось, он был в хорошем расположении духа, готовился к новому фильму "Пришелец". Наверное, он был обеспокоен будущими съемками, выбором актеров. Леонид Федорович всегда был заботлив, трогателен, уважителен, всегда создавал потрясающий микроклимат на съемочной площадке, в любой компании. Очень скромный был. Болезненно скромный. Легко ранимый, он не переносил шума, пафосных речей, понтов всяких. Это был очень простой, нежнейший человек. Интеллигент... Но вот разбился в автомобильной катастрофе. А Сережа Иванов, который Кузнецника играл? У того — сердце. Стало плохо, забрали в больницу, и он умер. 50 лет ему было.

"Будем жить"

— Скажите, а каково это: перекалфицироваться из актеров в телезвезды?

— Какие телезвезды?! Вот уже скоро год, как мои программы почли в бозе. У государства на них денег нет, а богатым мира сего они без надобности. Они нужны были ветеранам. Они нужны и пациентам, которые могли включить телевизор и послушать: что про бабушку говорят, про бабушку... Это я говорю о "Полевой почте памяти". В ней мы рассказывали о ветеранах, читали письма фронтовиков, открывали мемориальные доски. Была и другая передача: "Будем жить" — истории из жизни людей, которые попадали в экстремальные ситуации. Допустим, я снял сюжет о летчике-истребителе, фамилия которого — Героев. О вдовах чернобыльцев, о Чернобыльском Сергее Васильевиче, герое "афганцев". Но сейчас и этой программы не существует. В нее рекламу не востанет — в этом-то все и дело.

— Так, Владимир Дмитриевич, все заново. Мы начинали за здоровье: какой, мол, вы деятельный человек. Теперь выясняется: двух передач на ТВ у вас сейчас нет, театра киноактера нет, постоянных съемок в кино нет, секретарем Союза вы уже не являетесь...

— Вот видите, получается, что совсем и не деятельный. Но знаете, при этом у меня сейчас нет возможности два-три дня просто посидеть дома. Спросите: а что же ты делаешь? Вот на днях вернулся с Международного фестиваля студенческих театров, где я являюсь председателем жюри уже 11 лет. Езжу в Волгоград на фестиваль "Земля — планета людей", в Краматорск, Артек... — Но это же все на общественных началах, там ведь зарплату не платят?!

— Нет, конечно. А институт? А что такое: поставить девять отрывков со студентами, подготовить дипломный спектакль? Основная работа — конечно, институт.

— И основной доход?

— Вы не с налоговым?... (Смеется.) Я шучу.

— У нас в Москве профессора живут нежирно.

— Если не секрет, какая у вас зарплата?

— Моя зарплата? Не секрет. Где-то 500 гривен.

— Это сто долларов. Все?!

— Ну, какой-то концерт, какое-то выступление...

Получаю пенсию чернобыльскую: я был первым артистом, который выехал на место аварии. Это еще 150 гривен.

— За те 13 лет, что Украина является независимой, сколько у вас было ролей в кино?

— Сейчас скажу... На студии Горького "Черный квадрат" — это я уже издыв в независимую Россию с незажженными Украиной... Смешно даже произносить. Знаете, я как-то публично сморозил, что если бы стал президентом, то отгородил бы к чертовой матери Украину, Россию и Белоруссию высоким забором, и имели бы мы всех их в виду... Так вот: "Черный квадрат", "Осторожно, красная ртуть"... Что же еще? Э-э-э... нет, это еще Советский Союз был. А! "Ленин в огненном кольце", "Под знаком Скорпиона"... Год назад — "Один в поле воин". Вот, пожалуй, и все.

— Немного. Скажите честно: не смогли приспособиться к новому времени?

— Нет. Приспособиться к тому, что от нас сегодня требует это новое время, — значит отказаться от того, чему учит Господь Бог, за что "голосовала" Библия. Моральный кодекс строителей коммунизма — это ведь то же самое, что и десять заповедей. Чего плохого-то было: не воруй, будь честным...

— Конституция Украины разве не призывает к тому же?

— И Конституция России, и другие конституции. А что мы видим? Все наоборот. Ну как можно за десять лет стать миллиардером? Вы можете мне ответить?!

— Вас раздражают олигархи?

— А вас не раздражают?

— Да в общем-то нет. Почему я должен считать их деньги?

— Их или ваши?!

— Даже так?

— А как же... Нет, ну конечно, надо как-то приспособиться. А куда ты денешься с этой подводной лодки? Не ущемляя себя, существовать все-таки в своем мире, в своих законах. Можно общаться со всеми, а чай пить — каждый на своей кухне. У меня, слава богу, есть любимая работа: институт, студенты... Так что, как говорил капитан Титorenko из фильма "В бой идут одни старики", будем жить!

Дмитрий МЕЛЬМАН, Киев—Москва.

"Когда все так плохо"

— Владимир Дмитриевич, представителям московской богемы раньше полудня звонить просто не рекомендовалось: рискуешь услышать о себе массу нового. А вы назначили нашу встречу на 10. Чего не спится-то?!

— Вообще-то я рано встаю — часов в шесть, полседьмого. Да и этот зверь (показывает на внушительных размеров пса) расслабляться не дает. Даже если гуляю с ним в два часа ночи — с раннего утра все равно просится на улицу. Может, и хорошо. Как говорится: кто рано встает, тому Бог дает. Правда, на Украине нам, актерам кино, Господь Бог как-то задолжал. Я радуюсь, если кто-то из моих коллег работает. Но таких немного.

— Вам-то, по-моему, грех жаловаться. Читал, что ведете две передачи на украинском ТВ, возглавляете Фонд Леонида Быкова, преподаете в Киевском театральном институте. А вчера, когда мы с вами договаривались об интервью, сказали, что только с концерта и "устали, як собака". Жизнь-то кипит!

— Ну, в общем-то да. И на кино вроде как грешить нельзя. Раньше, правда, за год можно было сделать две-три хорошие работы, но вот в прошлом году снялся в одной из главных ролей в картине "Один в поле воин" — уже хорошо. Нет, Господь Бог дает мне такую возможность — реализовать себя. Даже сегодня, когда все так плохо.

— Чего плохого-то?

— Ну а что хорошего?! Мои коллеги, 40-летние артисты, сидят без работы. Весь состав Театра киноактера, насколько я знаю, сейчас на улице выгоняют. Мало того что актеры работали там за гроши — получили 17 гривен 50 копеек в месяц (одна гривна примерно равна шести рублям. — Авт.). Так потом им перестали платить и этот мизер, а теперь вообще выставляют вон. Вы думаете, ушел бы я из театра, будь там все благополучно? Нет, если говорить обо мне, то более-менее все в порядке: есть друзья, есть работа, есть желание не кинуть, не ржачев. А если о других... Десятки моих коллег сейчас просто бездействуют. И не потому, что хотят сидеть на шее у государства, и не потому, что уже не могут ничего. Их можно обвинить в том, что они сидят и ждут у моря погоды. Но, простите, а что они могут сделать? Когда людям под 50: работы уже нет, пенсии — еще нет. Вот они и гибнут.

— Кого-то конкретно можете назвать?

— Да ради бога... А разве то, что сидит без работы Кость Петрович Степанков, это нормально?!

— Все-таки в возрасте уже человек.

— Боже мой! А извините, пожалуйста: Олег Стриженов у вас снимается? Снимается. Борис Химичев снимается? Михаил Ульянов, дай Бог ему здоровья, работает? Работает. И еще десяток фамилий могу привести. Разве не беда, что для современного украинского кино больше не существует Ады Николаевны Роговцевой, того же Кость Петровича Степанкова?! Да что там: Коля Олялин — без работы!..

— Насколько я знаю, он сейчас в больнице лежит.

— Это сегодня. А пять лет назад? А Криницына Маргарита Васильевна? Которая сегодня тоже лежит в больнице. Но десять лет назад она ведь не лежала в больнице. Я был у нее недавно. Это же страшно: полчаса искал ее, не мог найти. И это больница, извините меня, не для рабочего класса, а "Феофанья" — республиканская клиника. И это Криницына, которую знает каждый встречный-поперечный, памятник ей в городе стоит. А там говорят: "Не знаем, наверное, уже выписалась". Как такое может быть?! А где сейчас мои ровесники: Игорь Слободской, Юра Мысенков, Сережа Подгорный, Саша Белин... Где они?!

— Чем они занимаются? Перебиваются случайными заработками?

— Вот именно. Кто чем занимается: ну, что-то где-то запишет, в какой-то рекламе снимется... Но это разве работа? Один мой знакомый актер обоим клеит. Хороший, порядочный человек заплатил, непорядочный — обманул. А большинство вообще ничем не занимаются — дома сидят. А что они могут?!

— Как что? Вы, например, пошли на телевидение.

— Ну, мне предложили, а им — нет. А на телевидении знаете сколько мамочек, нянечек, внучек и дочечек работают! И без всякого образования. А куда пойдут мои студенты? Они там очень нужны?!

— Что же вы говорите своим студентам, которым ждет такое безрадостное будущее?

— Что нужно работать, нужно пахать. Это место теперь можно только отвоювать. Если раньше существовало распределение, и нас, хотели мы того или нет, отправляли в Кривой Рог или в Нежин, где был передвижной театр, который даже площадки своей не имел, то теперь даже этого блага нет. Поэтому надо работать — надо пробовать себя. И комиком, и трагиком, надо и читать, и петь, и танцевать: все что можешь — делай.

"Красть — не крал, записать — не записывал"

— Насколько знаю, в Донецкий театр вы попали буквально с улицы, даже не имея специального образования...

— Да, я всегда участвовал в самодеятельности: пел, танцевал. Однажды поехал в Москву, на конкурс художественной самодеятельности, — там во время одного из концертов меня и заметил режиссер Донецкого драмтеатра. Родители были резко против, считали: ну что за профессия для мужчины — актер, что-то несерьезное... Это сейчас я понимаю, что наша профессия сродни шахтерской.

— Кстати, вам есть с чем сравнить. Вы же и шахтером успели поработать!

— Да, после окончания горного техникума я около года отработал в шахте. Так что знаю, о чем го-

"СТАРИК"

Кадры из фильмов: "Русь изначальная", 1986 год...

ворю. Да и когда после армии поступил в театральный — все равно пахал с утра до ночи. Надо было деньги зарабатывать: мама не имела возможности помогать, отца к тому времени уже не было, в шахте погиб... А стипендия — всего 26 рублей 50 копеек. Вот и приходилось подрабатывать дворником: по вечерам убирал территорию вокруг факультета. Получал 60 рублей, худо-бедно хватало на все. Да что там: половина этих книг (Владимир Дмитриевич показывает на заставленные томами книжные полки) куплены еще на те, "дворничьи" деньги.

— Серьезный молодой человек. Всегда таким правильным были?

— Ну как: красть — не крал. Запивать — не запивал. Честное слово, я не прихорашиваю, не прилизываю. Прямо могу сказать: я плохо учился в горном техникуме, часто пропускал занятия, имел неудовлетворительные оценки по сопромату, по теории механики. Намного легче мне было заниматься спортом, рисовать, читать, петь, танцевать... Нет, не на дискотеке — некогда мне было бегать на танцульки: вечером после занятий нужно было идти в драмкружок, потом — в дружину ДНД по охране общественного порядка...

— Вы еще и дружинником были? И что, даже не отлынивали от дежурств?

— А если не я, то кто? Более того, став артистом Театра киноактера, я и тогда не раз ходил в народных дружинах. И не только я — даже Гринько Николай Григорьевич выходил с нами. Нелепо, конечно. Если бы Гринько ударили — кому нужен такой актер? С испорченными же лицом...

— Российским зрителям, читателям о вас известно немного. Имею в виду личную жизнь.

— Вы знаете, после одного случая я зарекаюсь отвечать на такие вопросы.

— Что за случай?

— Просто однажды написали такую ахиною, что это обидело моих близких и родных. И я им пообещал, что больше никогда о личном говорить не буду. Все что угодно — только не это. А я, если уж даю обещание, стараюсь его выполнять.

Владимир ТАЛАШКО:
"Приспособиться к новому времени — значит отказаться от того, чему учит Господь Бог"

... и "Тайны Святого Юра", 1982 год.